

К 125-летию со дня смерти А. С. Пушкина

Последние дни великого поэта

НАЧАТЬ свой рассказ мне приходится не с Москвы или Ленинграда, с которыми тесно связана жизнь Александра Пушкина, а со старинного уральского города Нижний Тагил, в который судьба никогда не заносила великого поэта... Незадолго перед Отечественной войной в Нижнем Тагиле умер старый горный мастер — Пазел Шамарин. Его племянница Ольга Полякова — бухгалтер по специальности — разбирала оставшиеся после него книги. Взяла в руки старый альбом в потертом сафьяновом переплете, раскрыла — все листы из альбома вырезаны. А к оставшимся корешкам кто-то аккуратно подклеил старинные письма — тоненькие листочки, исписанные главным образом по-французски. Полякова передала находку в местный музей.

Прошло несколько лет. По поручению музея этими письмами занялась врач Полторацкая, хорошо знавшая французский язык. И тут выяснилось, что относятся они к тысяча восемьсот тридцати шестому и тридцати седьмому годам. Что писали их вдова и дети знаменитого историка и писателя Николая Карамзина. Что посылались они из Петербурга за границу, где в то время лечился старший сын покойного историкографа Андрей Карамзин.

Карамзины были друзьями Пушкина. Естественно, что, описывая Андрею Карамзину петербургскую жизнь, родные сообщали ему все, что знали о Пушкине. Эти письма Андрей Карамзин берег потом, как святыню. Вернувшись в Петербург, Карамзин женился на вдове богача Демидова, которому принадлежали тагильские заводы. Вместе с женой он не раз ездил на Урал, тогда, очевидно, и завез сюда эти письма. И вот почти девять десятилетий спустя адресованные ему письма обнаружались среди книг старожила...

Письма Карамзиных привлекли внимание инженера Нижнетагильского металлургического завода и краеведа Николая Боташева. Он выбрал из них наиболее существенные отрывки и послал в Моск-

И. АНДРОНИКОВ

ву, в редакцию одного из столичных журналов. Понятно, что неизвестные письма о Пушкине вызвали живой интерес. Однако прежде чем их публиковать, надобно было познакомиться с содержанием находки в целом, выяснить, что нового вносит она в изучение жизни поэта, и соединить новое с тем, что было известно раньше.

Эта работа была поручена мне, и я немедленно выехал в Нижний Тагил. С вполне понятным волнением перелистывал я тогда тоненькие голубые листочки, покрытые бисерным почерком сестры Андрея — Софьи Карамзиной, и решительными крупными строчками его матери — Екатерины, вчитываясь в остроумные письма брата Андрея Карамзина — Александра.

В письмах встречаешь сотни имен. День за днем описаны в них встречи, балы, чтения, театральные премьеры... И чуть не в каждом письме мы читаем о Пушкине, о его журнальных и великосветских врагах. О его материальных и ли-

Об этом рассказали нам старые письма

тературных делах. О его душевном состоянии. И, наконец, о дуэли и смерти. А все они вместе составляют одну из самых волнующих повестей о жизни и гибели Пушкина. Чем больше вчитываешься, тем яснее становится трагическое положение Пушкина среди враждебного ему великосветского общества, в котором он был приговорен жить и работать.

31 августа, 1836 года, Александр Карамзин рассказывает брату, что их общий приятель Муханов видел Пушкина и «нашел его ужасно упавшим духом»... Пушкин прочел ему только что написанное стихотворение «Памятник». Муханов говорит, что «эта пьеса прекрасна».

Проходят три недели, Софья Карамзина описывает свои именины, которые были отмечены на даче в Царском Селе. Среди гостей были Пушкины, Гончаровы, Вяземские, Жуковский и другие. «Всем было очень весело, судя по их лицам, — пишет Карамзина, — кроме только Александра Пушкина, который все время был грустен, задумчив и озлоблен»... Для этого было много причин — и прежде всего клевета и злоречие великосветского общества, стремление скомпрометировать честь жены Пушкина и его славное имя, которое он считал принадлежащим не себе, а целой России.

Проходит с небольшим месяцем, и Пушкин получает по городской почте омерзительный анонимный пасквиль.

Вот письмо от 29 декабря 1836 года. Пушкину осталось жить ровно месяц. Софья Карамзина передает свои впечатления от встречи с ним: «Мрачный, как ночь, нахмуренный, как Юпитер во гневе, Пушкин изредка прерывал свое угрожающее и стеснительное для всех молчание только отрывистыми ироническими замечаниями и, время от времени, демоническим хохотом». И она осуждает его за несдержанность по отношению к любимцу придворных кругов красавцу Дантесу!..

Какое безнадежное одиночество должен был испытывать Пушкин, если это пишут его друзья! Нельзя без волнения, без какого-то внутреннего содрогания читать о его душевных муках.

А вот письмо матери — Екате-

рины Карамзиной от 30 января 1837 года:

«Милый Андрюша, пишу к тебе с глазами, наполненными слез, а сердце и душа тоскою и горестию; закатилась звезда светлая. Россия потеряла Пушкина! Он дрался в среду на дуэли с Дантесом, и он прострелил его насквозь; Пушкин бессмертный жил два дни, а вечером, в пятницу, отлетел от нас; я имела горькую сладость проститься с ним в четверг; он сам этого пожелал. Ты можешь вообразить мои чувства в эту минуту, особенно когда узнаешь, что доктор Арендт с первой минуты сказал, что никакой надежды нет!

Он протянул мне руку, я ее пожала, и он мне также, а потом махнул, чтобы я вышла. Я, уходя, осенила его издали крестом, он опять мне протянул руку и сказал тихо: **перекрестите еще**, тогда я опять, пожавши еще раз его руку, я уже перекрестила, прикладывая пальцы на лоб, и приложила руку к щеке; он ее тихонько поцеловал и опять махнул. Он был бледен, как полотно, но очень хорош; спокойствие выразилось на его прекрасном лице».

О том, что Пушкин пожелал перед смертью проститься с Екатериной Карамзиной, нам было известно и прежде. Но в собственном ее рассказе, исполненном высокой простоты и строгости, Пушкин предстает в таком бесконечном величии, что по силе и благородству чувств, которые оно порождает, это скромное сообщение следует отнести к самым замечательным документам пушкинской биографии.

А вот что пишет Софья Карамзина:

«Бедный, бедный Пушкин! ...Вечером на балу у графини Разумовской я видела Пушкина в последний раз; он был спокоен, смеялся, разговаривал, шутил; он как-то очень крепко пожал мне руку, но я тогда не обратила на это внимания. В среду утром он поехал к своему лицейскому товарищу Дазасу, чтобы пригласить его себе в секунданты, встретил его на улице, посадил к себе в сани, тут же объяснил ему, в чем дело, и в пятом часу они уже отправились на место поединка — на Парголово-скую дорогу. Там, говорят, Пушкин проявил величайшее спокойствие и энергию. Дантес стрелял первым и ранил его в середине тела; он упал, но когда Дантес бросился, чтобы поддержать его, он закричал: «Вернитесь на место, мой выстрел!»...

По пути домой тряска в карете вызвала у него сильные боли в животе. Тогда он сказал Дазасу: «Нажется, это серьезно, послушай: если Арендт найдет мою рану смертельной, то мне это все равно. Меня не испугаешь. Я жить не хочу».

Этой фразы мы прежде не знали. Какие за этими страшными словами угадываются безысходные страдания, какая горестная надежда, что это уже конец!

Умирающему Пушкину Николай I послал записку, в которой советовал ему исполнить христианский обряд. И пообещал, что обеспечит за это его жену и детей. Пушкину пришлось принять это условие. Он ничего не оставлял семье, кроме долгов. Когда же на другой день Жуковский обратился к царю с предложением составить указ о заслугах Пушкина, как однажды он уже составлял подобный указ о заслугах Карамзина, царь ответил ему — об этом пишет сыну Екатерина Карамзина:

«Послушай, братец, я все сделаю для Пушкина, что могу, но писать, как к Карамзину не стану: Пушкина мы насилу заставили умереть, как христианина, а Карамзин жил

(Окончание на 4-й стр.)

Последние дни великого поэта

соединяйте (Окончание. Начало на 2-й стр.)

и умер, как ангел». Стоит только вдуматься в эти слова: «Насилу заставили умереть, как христианина»... Много лет писали потом биографы на основании ложных воспоминаний друзей, что Пушкин умер, примиренный с престолом и с богом!.. Письма Карамзиных до конца разоблачают эту легенду.

«В воскресенье вечером мы ходили на панихиду по нашему бедному Пушкину, — продолжает письмо Софья Карамзина. — Трогательно было видеть толпу, стремившуюся поклониться его телу; говорят, в этот день у них перебивало более двадцати тысяч человек: чиновники, офицеры, купцы — все шло в благоговейном молчании, с глубоким чувством — друзьями Пушкина было отрадно это... И вообще это второе общество проявляет столько энтузиазма, столько сожаления, сочувствия, что душа Пушкина должна радоваться, если хотя бы отголосок земной жизни доходит туда, где он сейчас. Более того: против убийцы Пушкина подымается волна возмущения и гнева, раздаются угрозы — но все это в том же втором обществе среди молодежи, тогда как в нашем кругу у Дантеса находится немало защитников, а у Пушкина — это всего возмутительнее и просто непонятно — немало ожесточенных обвинителей».

Когда слух, что Пушкин находится в смертельной опасности, облетел город, всем стало ясно, что в Петербурге существуют два лагеря: Софья Карамзина очень точно сформулировала это в словах о «нашем обществе» — то есть великосветском, где раздаются обвинения по адресу Пушкина, и о «втором обществе», которое оплакивает Пушкина, являя замечательные примеры любви.

«В понедельник были похороны, то есть отпевание. Собралась огромная толпа, все хотело присутствовать, целые департаменты просили разрешения не работать в этот день, чтобы иметь возможность пойти на панихиду, пришли вся Академия, артисты, студенты университета, все русские актеры. Церковь на Конюшенной невелика, поэтому впускали только тех, у кого были билеты, иными словами, исключительно высшее общество и дипломатический корпус, который явился в полном составе. Один дипломат даже сказал: «Я только здесь в первый раз узнаю, что такое был Пушкин для России. До этого мы его встречали, разговаривали с

ним и никто из вас (он обращался к даме) не сказал нам, что он ваша национальная гордость».

И тут же: «Поверишь ли, — пишет Софья Карамзина, — в эти три дня было продано четыре тысячи экземпляров «Онегина».

Как эта небольшая подробность передает атмосферу тех дней!

13 марта 1837 года берется за перо Александр Карамзин. Его письмо — один из самых значительных документов тагильской находки.

«Здравствуй, брате, что делаешь? Здоров ли, весел ли? Я очень доволен твоими письмами, где ты так хорошо пишешь о деле Пушкина. Ты спрашиваешь, почему мы тебе ничего не пишем о Дантесе, или лучше о Геккерене. Начинаю с того, что советую не протягивать ему руки с такой благодарною доверенностью: теперь я знаю его; к несчастью, это знание мне дорого обошлось. Дантес был совершенно незначительной фигурой, когда сюда приехал: необразованность забавно сочеталась в нем с природным остроумием, а в общем это было полное ничтожество как в нравственном, так и в умственном отношении.

...Гений, составлявший славу своей родины, привыкший слышать только рукоплескания, был оскорблен чужеземным авантюристом, стремившимся замарать честь Пушкина, и когда он, исполненный негодования, заклеил свой противника позором, тогда собственные его сограждане поднялись на защиту авантюриста и стали извергать на великого поэта хулу. Конечно, не все соотечественники изрыгали эту хулу, а только горстка низких людей, но поэт в своем негодовании не сумел отличить вопль этой клики от голоса широкой публики, к которому он всегда был так чуток... Только после его смерти я узнал правду о поведении Дантеса — и немедленно порвал с ним. Не подлежит сомнению, что он обманул меня красивыми словами и заставил видеть преданность и высокие чувства там, где была только гнусная интрига. Всего этого достаточно, брат, чтобы ты не подавал руки убийце Пушкина. Суд его еще не кончен.

После смерти Пушкина Жуковский принял по воле государя все его бумаги. Говорили, что Пушкин умер уже давно для поэзии. Одна-

ко же нашлись у него многие поэмы и мелкие стихотворения. Я читал некоторые, прекрасные донельзя. Вообще в его поэзии сделана большая перемена: прежде главные достоинства его были удивительная легкость, воображение, роскошь выражений, бесконечное изящество в сочетании с большим чувством и жаром; в последних же произведениях его поражает особенно могучая зрелость таланта; сила выражений и обилие великих глубоких мыслей, высказанных с прекрасной, свойственной ему простотой; читая их, поневоле дрожь пробегает, и на каждом стихе задумываешься и чувствуешь гения. В целой поэме не встречается ни одного лишнего, малоговорящего стиха!.. Плачь, мое бедное отечество! Не скоро родишь ты такого сына!..».

Какое откровенное, смелое и значительное признание! Прошло полтора месяца со дня гибели Пушкина, и Александру Карамзину стало ясно, что великий поэт стал жертвою тонкой и сложной интриги, что его погубили.

Письма Карамзиных дополняют наши знания о жизни величайшего поэта множеством подробностей, прежде нам не известных. Они проясняют наши представления о том, как Пушкин жил и погибал среди беспощадного к нему света.

Обстоятельства, которые привели поэта к гибели, были куда сложнее, чем это казалось Карамзиным. Пушкина долгие годы губили и в конце концов погубили: унижавшая его придворная служба, невозможность вырваться из петербургского света и спокойно писать, мелочная опека царя, грубые нотации Бенкендорфа, борьба с цензурой, литературная травля, долги, нужда, глубокое одиночество, сплетни и клевета злоречивого общества.

Но потому, что мы, советские люди, понимаем Пушкина лучше, чем понимали Карамзины, этот домашний разговор в письмах производит огромное впечатление, будит новые чувства бесконечной любви к поэту. Прошел век, и еще четверть века, как Александр Пушкин ушел от нас, но современный читатель ощущает биние его вольнолюбивого сердца. И так будет всегда, ибо Пушкин бессмертен.

АПН.